

В. Скотт

Вудсток, или Кавалер

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
С44

С44 **Скотт В.**
Вудсток, или Кавалер / В. Скотт – М.: Книга по Требованию, 2021. – 374 с.

ISBN 978-5-4241-2161-6

Сюжет романа связан с английской буржуазной революцией XVII века. Кромвелевский проповедник говорит о том, что его меч "сварен в Ирландии у стен Дрогеды". Штурм крепости Дрогеды войсками Оливера Кромвеля и избиение ее гарнизона и жителей произошли в начале сентября 1649 года. Роман заканчивается упоминанием о смерти Кромвеля и сценой возвращения на престол Карла II в мае 1660 года. Однако все основные события в романе падают на 1651 год (до провозглашения Кромвеля лордом-протектором, которое относится к 1653 году). В романе, наряду с вымышленными героями, действуют исторические персонажи - Кромвель, его соратники - Десборо, Гаррисон и другие, а также его антагонист - Карл Стюарт.

В предисловии к роману автор счел необходимым подчеркнуть, что изображаемая в романе эпоха играет большую роль в истории Англии, а может быть, и всего человечества.

ISBN 978-5-4241-2161-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В. Скотт, 2021

Вальтер Скотт
Вудсток, или Кавалер

*Он был достойный, благородный
рыцарь.
Чосер*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не стану рассказывать своим читателям, каким образом попала ко мне рукопись выдающегося исследователя древностей, доктора богословия, преподавателя Дж. А. Рочклифа. Такие вещи бывают возможны благодаря различным случайностям; достаточно сказать, что рукописи эти были спасены от недостойной участи и приобретены честным путем. Что же касается подлинности тех историй, которые я почерпнул из сочинений этого превосходного человека и соединил со свойственной мне непревзойденной легкостью, то повсюду, где только известен доктор Рочклиф, его имя послужит порукой точности их изложения.

Все любители чтения хорошо знакомы с его жизнью; тех же, кого можно счесть новичками в этом вопросе, мы позволим себе отослать к сочинениям почтенного Энтони Вуда, который считал его одним из столпов англиканской церкви и дал ему хвалебную характеристику в *Athenae Oxonienses*¹, хотя доктор обучался в Кембридже, а это второе око Англии.

Хорошо известно, что доктор Рочклиф рано получил повышение как церковнослужитель по причине своего деятельного участия в дебатах с пуританами и что его сочинение, озаглавленное *Malleus Hasresis*², расценивалось как сокрушительный удар всеми, кроме тех, кому он был нанесен. Благодаря этому сочинению доктор Рочклиф еще молодым, в возрасте тридцати лет, сделался ректором Вудстока; оно же впоследствии обеспечило ему место в каталоге знаменитого Сенчури Уайта, так что доктор был занесен этим фанатиком в списки скандальных и зловердных священников, которым прелаты раздавали приходы; хуже того — из-за своих воззрений ему пришлось покинуть Вудсток, когда пресвитериане одержали верх.

В течение почти всей гражданской войны он был капелланом в полку сэра Генри Ли, набранном для участия в боях на стороне короля Карла, и, говорят, не раз лично принимал участие в сражениях.

По крайней мере достоверно известно, что доктор Рочклиф неоднократно подвергался большой опасности, как это будет явствовать из многих мест нижеследующей истории, в которой доктор, подобно Цезарю, говорит о собственных подвигах в третьем лице. Однако я подозреваю, что какой-нибудь пресвитерианский толкователь вставил в текст в двух-трех местах кое-что от себя. Рукопись долго была собственностью Эверардов — благородной семьи, принадлежавшей к этому вероисповеданию³.

В период незаконного захвата власти доктор Рочклиф постоянно принимал участие то в той, то в другой преждевременной попытке реставрации монархии и благодаря своей смелости, самообладанию и глубоким суждениям считался одним из главных деятелей, трудившихся в те бурные дни на пользу короля, правда — с одной пустячной оговоркой: заговоры, в которых он участвовал, почти всегда оказывались раскрытыми. Более того — подозревали, что сам Кромвель иногда устраивал так, чтобы навести его на мысль о какой-нибудь интриге, которую доктор тут же и затевал; таким способом протектор испытывал верность своих сомнительных друзей и подробно знакомился с заговорами явных врагов, считая, что сбить с толку и обескуражить легче, чем строго наказывать.

После реставрации доктор Рочклиф опять поселился в Вудстоке, получив новое повышение и сменив споры и политические интриги на занятия философией. Он был одним из членов-учредителей Королевского общества; через него король потребовал от этой ученой корпорации решения следующей любопытной задачи: «Почему, если наполнить кувшин до краев водой и опустить в воду большую живую рыбу, вода все же не перельется через края кувшина?»

Объяснение этого удивительного явления, данное доктором Рочклифом, было самым остроумным из четырех, представленных обществу, и доктор, без сомнения, вышел бы победителем, если бы не упрямство одного тупого и невежественного провинциального джентльмена, который настоял на том, чтобы опыт был прежде всего произведен публично. Когда это было сделано, результат показал, что члены корпорации несколько опрометчиво признали эти факты на основании одного лишь авторитета короля: рыба, которую таким забавным образом погрузили в ее родную стихию, расплескала воду по залу, подорвав доверие к четырем тонким исследователям и испортив большой турецкий ковер.

Доктор Рочклиф умер, по-видимому, около 1685 года, оставив после себя немало различных сочинений, а главное — много занятых фактов из секретной истории; отсюда и извлечены нижеследующие записки, о которых мы намерены сказать только несколько слов для иллюстрации.

Существование лабиринта Розамунды, упоминающегося на страницах этих записок, засвидетельствовано Дрейтоном еще в царствование королевы Елизаветы.

«Развалины лабиринта Розамунды, а также ее водоем, дно которого выложено квадратными камнями, и ее башня, из которой начинался лабиринт, существуют и до сих пор. Сводчатые переходы со стенами из камня и кирпича переплетаются так, что найти выход почти невозможно. Если бы королева когда-нибудь окружила войсками ее обиталище, Розамунда могла легко избежать непосредственной опасности, а в случае надобности — выйти на волю через потайные ходы, расположенные за несколько миль от Вудстока в Оксфордшире»⁴.

Весьма вероятно, что странная фантазмагория, которая, как достоверно известно, была разыграна над комиссарами Долгого парламента, посланными в Вудсток для того, чтобы вырубить парк и уничтожить замок, была осуществлена с помощью секретных переходов и тайников древнего лабиринта Розамунды, вокруг которого короли Англии из поколения в поколение строили свою охотничью резиденцию.

Доктор Плот в своей «Правдивой истории Оксфордшира» приводит любопытный рассказ о неприятностях, доставленных этим почтенным комиссарам. Но так как у меня нет под рукой этой книги, я могу только сослаться на работу знаменитого Глэнвила о ведьмах, в которой подчеркивается, что этот рассказ доктора о сверхъестественных явлениях достоин всяческого доверия. Кровати комиссаров и их слуг наклонялись так, что чуть не переворачивались, а потом столь резко возвращались в обычное положение, что те, кто спал в них, легко могли переломать себе кости. Необычный и страшный шум пугал этих кошунственных посягателей на королевскую собственность. Однажды дух запустил в них тарелкой, в другой раз швырял в них камни и лошадиные кости.

На спящих выливались бочки воды; подобных проделок было столько, что комиссары съехали со двора, лишь наполовину осуществив задуманный грабеж.

Доктор Плот, человек со здравым смыслом, подозревал что эти фокусы были делом рук каких-то заговорщиков; Глэнвил, конечно, всеми силами старался опровергнуть это мнение; вряд ли можно было бы ожидать, чтобы он, веря в такое подходящее объяснение как действия сверхъестественных сил, согласился бы отказаться от ключа, который отопрет любой замок, даже самый хитрый.

И все-таки впоследствии обнаружилось, что доктор Плот был совершенно прав и что единственным духом совершившим все эти чудеса, был переодетый роялист, парень по прозвищу Верный Джо или что-то в этом роде, прежде состоявший на службе у смотрителя парка и поступивший в услужение к комиссарам с целью подвергнуть их преследованиям.

Кажется, я где-то читал рассказ о том, как это было сделано, и о приспособлениях, с помощью которых этот колдун совершал свои чудеса, но не уверен, читал ли я это в книге или в памфлете. Я припоминаю оттуда одно особенно важное место. Комиссары решили утаить некоторые ценности, не включив их в список, который они должны были предъявить парламенту, и собирались разделить добычу между собой.

Они написали договор, устанавливающий долю каждого в этом хищении, и для безопасности спрятали его в цветочный горшок. И вот, когда несколько священнослужителей, а также наиболее благочестивые люди из окрестностей Вудстока собрались, чтобы изгнать предполагаемого дьявола, Верный Джо устроил фейерверк, который он зажег в самый разгар службы.

При этом цветочный горшок разбился, и, к стыду и смятению комиссаров, их тайный договор вылетел в самую середину кружка собравшихся гонителей дьявола, которые таким образом познакомились с тайными планами расхитителей королевского имущества.

Однако мне нет надобности напрягать память, стараясь собрать старые и неполные воспоминания о подробностях этих фантастических происшествий в Вудстоке, потому что доктор Рочклиф в своих записках приводит гораздо более точный рассказ, чем все, что можно почерпнуть из любого отчета, существовавшего до того, как они были опубликованы.

Разумеется, я мог бы написать эту часть моего сочинения гораздо пространнее, потому что располагаю обширными материалами, но — скажу читателю по секрету — некоторые благожелательные критики были того мнения, что всей этой истории нельзя верить ни на грош, и поэтому я решил быть более кратким, чем мог бы при других обстоятельствах.

Нетерпеливый читатель, вероятно, обвинит меня в том, что свечою я заслоняю от него солнце. Но даже если солнце такое яркое, каким мы его видим, а светильник или факел дымит в десять раз больше, чем обычно, тот, кто друг мне, должен потерпеть еще минуту, пока я отрекусь от самой мысли о браконьерстве в чужом поместье. Сокол, как говорим мы в Шотландии, не должен выклеивать глаза другому соколу или посягать на его добычу; поэтому, если бы я знал, что по описанной эпохе и по своему содержанию этот роман может отчасти совпасть с тем, который недавно опубликовал один мой выдающийся современник, я бы, без сомнения, на время оставил в покое рукопись доктора Рочклифа. Но, прежде чем мне стало известно это обстоятельство, моя книжечка была уже наполовину отпечатана, и мне оставалось только избежать всякого сознательного подражания, отложив на время чтение книги моего современника. Когда сочинения од-

ного и того же рода написаны в общей манере исторических повествований, то некоторые случайные совпадения, вероятно, неизбежны. Если такие совпадения будут обнаружены, виновным, наверно, окажусь я. Но мои намерения были совершенно невинны, потому что одним из приятных последствий окончания «Вудстока» для меня будет то, что завершение моей собственной задачи позволит мне доставить себе удовольствие и прочесть «Брэмблтай-хауз», от чего я до сих пор сознательно воздерживался.

Глава I

*Тот верил в проповедь аббата,
А этот — лишь в кулак солдата,
И были споры горячи,
И все хватались за мечи.
Батлер, «Гудибрас»⁵*

В городе Вудстоке есть величественная приходская церковь — по крайней мере мне так говорили, а сам я ее не видел. Когда я был в этом городе, я едва успел осмотреть великолепный Бленхеймский замок, его расписные стены и увешанные гобеленами покои — я торопился на званный обед к моему ученому другу, ректору ***-ского колледжа. Это был один из тех случаев, когда человек может очень повредить себе, если любознательность помешает ему быть пунктуальным. Описание церкви понадобилось мне для этого романа, но у меня есть некоторые основания сомневаться в том, что человек, которого я попросил рассказать мне о ней, сам когда-либо видел ее внутреннее убранство, поэтому замечу только, что сейчас церковь эта представляет собой величественное здание; правда, лет сорок — пятьдесят тому назад ее основательно перестроили, но там и доньше сохранились арки древней капеллы, основанной, по преданию, королем Иоанном. Именно с этой древней частью церкви и связан мой рассказ.

Однажды утром в конце сентября или начале октября 1652 года на торжественный молебен по случаю решительной победы при Вустере в древней капелле, или часовне, короля Иоанна собралась весьма уважаемая публика. Свирепствующая гражданская война и особый дух того времени наложили свой отпечаток на состояние церкви и ее прихожан. В храме были заметны многочисленные следы разрушения. Витражи, когда-то украшавшие окна, были вдребезги разбиты копьями и мушкетами, потому что их сочли свидетельством идолопоклонства. Резьба на кафедре была повреждена, а две чудесные перегородки, украшенные скульптурами из дуба, сломаны по той же основательной и веской причине. Алтарь был сдвинут с места, а золоченая решетка, когда-то его окружавшая, разломана и отброшена в сторону. Статуи с некоторых надгробий, изуродованные, валялись на полу —

Дурное воздаянье...

За подвиги и славные деянья.

В пустых приделах гулял осенний ветер; по остаткам столбов и перекладинам из грубо обтесанного дерева, а также по разбросанным клочкам сена и примятой соломе видно было, что святой храм недавно служил конюшней.

Молящиеся, как и само здание, утратили былое благолепие. На резных галереях не видно было обычных прихожан мирного времени, прикрывавших рукою глаза, чтобы сосредоточиться в молитве там, где молились их отцы, исповедуя ту же веру, и омен и пахарь напрасно искали глазами высокую фигуру старого сэра Генри Ли из Дитчли, медленно проходившего по боковым приделам в расшитом плаще, с тщательно расчесанными усами и бородой; за ним обычно следовал его верный пес; когда-то он спас хозяину жизнь, и ему было позволено сопровождать его в церковь. К Бевису вполне подходила поговорка — «Хорош тот пес, который ходит в церковь», ибо, сдерживая часто мучивший его соблазн

завыть в унисон с пением, он вел себя так же благопристойно, как любой прихожанин, и возвращался из церкви, может быть, столь же просветленный, как и большинство из них. Вудстокские барышни так же безуспешно высматривали расшитые плащи, звенящие шпоры, сапоги с раструбами и высокие плюмажи молодых кавалеров из знатных семейств; эти кавалеры обычно разгуливали по улицам или по церковному двору с той непринужденностью, которая свидетельствует об изрядном самомнении, но даже приятно, когда сочетается с приветливостью и учтивостью.

А почтенные старые дамы в белых чепцах и черных бархатных платьях, а их дочери — «приманка для соседских глаз», — где теперь все те, кто, входя в церковь, отвлекал прихожан от благочестивых помыслов? «Ну, а ты, Алиса Ли, такая прелестная, нежная, отзывчивая (так говорит летописец того времени, чью рукопись мы прочли)? Почему мне выпало на долю повествовать о твоих злоключениях, а не о том времени, когда, сходя со своей породистой лошадки, ты привлекала так много взоров, будто ты ангел, спустившийся на землю, и на тебя изливалось столько благословений, будто ты — посланец небес, принесший добрые вести! Ты не была создана праздным воображением сочинителя исторических романов, фантазия его не украсила тебя противоречивыми достоинствами, — твои добродетели внушили мне горячую любовь, а что до недостатков — они так мило выглядели на фоне достоинств, что за них я, кажется, полюбил тебя еще сильнее».

С семейством Ли исчезли из капеллы короля Иоанна и остальные знатные и благородные семьи — Фримантлы, Уинклкомы, Драйкотты и другие, ибо воздух, веявший над оксфордскими башнями, не благоприятствовал развитию пуританства, более распространенного в соседних графствах. Но среди прихожан были два или три таких, которые, судя по одежде и поведению, принадлежали к местной знати; было тут и несколько именитых горожан Вудстока, главным образом оружейников и перчаточников, которым умение обрабатывать сталь или кожу давало возможность жить в довольстве. Эти достойные люди были в длинных черных, наглухо застегнутых плащах и, как мирные граждане, носили на поясе библию и записную книжку, а не кинжал или шпагу ⁶.

Эта почтенная, но немногочисленная часть прихожан приняла пресвитерианское вероисповедание, отвергающее литургию и иерархию англиканской церкви.

Их духовным отцом был преподобный Ниимайя Холдинаф, славившийся своими длинными и поучительными речами в защиту сил небесных. Вместе с этими степенными господами сидели их почтенные супруги в накрахмаленных брыжах и ожерельях, словно сошедшие с портретов, которые в каталогах картин именуются «жены бургомистров»; хорошенькие же дочки, подобно чосеровскому врачу, не всегда сосредоточивали свое внимание на библии; напротив, едва ослабевала бдительность почтенных матерей, они отвлекались и отвлекали других.

Но, кроме этих степенных особ, в церкви было немало людей и рангом пониже. Некоторых привело сюда любопытство, но многие были темными ремесленниками, сбитыми с толку богословскими спорами того времени и множеством сект, разнообразных, как цвета радуги. Самомнение этих ученых фиванцев точно соответствовало их невежеству: последнее было абсолютно, а первое безгранично. Их поведение в церкви не было ни благочестивым, ни примерным.

Большинство подчеркивало свое циничное пренебрежение к тому, что человечество считает священным; церковь для этих людей была просто домом с колокольней, священник — обыкновенным человеком, посты — сухими корками и жидкой похлебкой, непригодной для утонченного вкуса святых, а молитва — обращением к небесам, которые каждый мог по своему усмотрению принять или отвергнуть.

Те что постарше, сидели развалившись на скамьях, надвинув шляпы с высокими тульями на сурово нахмуренные лбы; они ожидали пресвитерианского проповедника подобно псам, молчаливо ждущим быка, которого ведут им на растерзание. Некоторые из молодых сочетали ересь с вольным поведением — глазели на женщин, зевали, кашляли, шептались, ели яблоки, грызли орехи, словом, вели себя как на галерее театра до начала представления.

Кроме того, среди прихожан было несколько солдат; одни были в кольчугах и стальных шлемах, другие — в куртках из буйволовой кожи, третьи — в красных мундирах. На этих войнах были навешаны подсумки с патронами, они опирались на пики и мушкеты. Они тоже имели свое мнение по поводу самых сложных вопросов веры, и фанатизм, доведенный до нелепости, сочетался у них с величайшей храбростью и отвагой в бою. Вудстокские горожане смотрели на этих воинов-святош с немалым страхом; хотя жизнь их не часто омрачалась грабежами и насилием, солдаты всегда могли прибегнуть и к тому и к другому, и мирным гражданам ничего не оставалось, как повиноваться всему, что могло возникнуть в необузданном и фанатичном воображении воинственных советчиков.

После некоторого ожидания прихожане увидели, что преподобный Холдинаф идет вдоль приделов часовни не так медленно и не той величественной походкой, которой в минувшие дни старый настоятель обычно подчеркивал достоинство своего сана, а торопливыми шагами, точно он опаздывал и стремился наверстать упущенное время. Это был высокий худощавый человек со смуглым лицом и беспокойным взглядом, выдававшим его раздражительный характер. Он был в коричневом, а не в черном облачении, поверх которого носил, в честь Кальвина, синий женеvский плащ, развевавшийся у него за плечами, когда он спешил к кафедре. Седеющие волосы были подстрижены так коротко, как только можно было подстричь ножницами, их прикрывала черная шелковая шапочка — она так плотно сидела на голове, что уши, торчавшие из-под нее, казались ручками, за которые можно было поднять всего человека. Вдобавок достойный богослов был в очках, носил длинную седеющую бороду, а в руке у него была маленькая карманная библия с серебряными застежками. Подойдя к кафедре, он минутку помедлил, чтобы перевести дух, а затем стал подниматься, шагая через две ступеньки.

Но в это время сильная рука схватила его за плащ. Это была рука человека, который отделился от группы солдат, — плотного человека среднего роста с острым взглядом и довольно заурядной внешностью; привлекало внимание только выражение его лица. Одежда его, хоть не военного покроя, чем-то напоминала солдатскую. На нем были широкие штаны из телячьей кожи; на одном боку — рапира неимоверной длины, или палаш, как ее тогда называли, на другой — кинжал. На сафьяновом поясе висели пистолеты.

Священник, отвлеченный таким образом от своих обязанностей, оглянулся на незнакомца и спросил не очень любезным тоном, что означает подобное вмеша-

тельство.

— Приятель, — сказал дерзкий незнакомец, — ты что, собираешься держать речь перед этим почтенным людом?

— А как же! — с негодованием воскликнул священник. — Таков мой долг перед господом. Горе мне, если я не буду проповедовать евангелие! Прошу тебя, друг, не отвлекай меня от дела.

— Ну нет, — возразил воинственный незнакомец, — я сам собираюсь проповедовать, поэтому лучше удались; а впрочем, если хочешь послушаться моего совета, оставайся здесь и вразумляйся вместе с заблудшими овцами, которым я собираюсь сейчас разбросать крохи утешительной веры.

— Изыди, посланец сатаны! — разгневанно воскликнул священник. — Уважай мой сан, мое облачение!

— Не вижу, почему я должен уважать покрой твоего плаща, — ответил тот, — или сукно, из которого он сшит, больше, чем ты уважаешь епископский стихарь: тот — белый с черным, а твой — синий с коричневым. Все вы — ленивые, сонные псы! Все вы — пастыри, что морите стадо голодом и не печетесь о нем! Все вы думаете только о наживе, вот что!

Такие непристойные сцены были в те времена настолько обычны, что никто и не подумал вмешаться; прихожане наблюдали молча; те, кто познатней, возмущались, кое-кто из простолудинов смеялся, а некоторые принимали сторону солдата или священника, как им заблагорассудится. Тем временем борьба становилась все яростнее; преподобный Холдинаф начал звать о помощи.

— Господин мэр Вудстока, — воскликнул он, — неужели ты присоединишься к тем бессовестным чиновникам, которые оставляют свой меч правосудия праздным?.. Горожане, неужели вы не поможете вашему пастырю?.. Достойные олдермены, неужели вы будете смотреть, как это порождение буйвола и сатаны задушит меня на ступенях кафедры? Нет, дайте-ка я одолею его и сброшу с себя его путы!

С этими словами Холдинаф, отбиваясь от солдата, ухватился за перила, стараясь подняться на кафедру.

Его мучитель вцепился в полы плаща, который чуть не задушил священника, но тот, произнося последние слова сдавленным голосом, проворно дернул завязки у шеи, плащ вдруг соскользнул с плеч священника, солдат упал и покатился по ступенькам, а обретший свободу богослов вскочил на кафедру и затянул победный псалом над поверженным противником. Но шум, стоявший в церкви, не дал ему насладиться своим торжеством, и, хотя он и его верный причетник продолжали петь гимн победы, пение их было слышно только урывками, подобно крику буревого воя во время шторма.

Причина суматохи заключалась в том, что мэр, ревностный пресвитерианин, с самого начала следил за действиями солдата с величайшим возмущением, но не решался выступить против вооруженного человека до тех пор, пока тот стоял на ногах и был способен оказать сопротивление. Однако как только глава города увидел, что защитник лежит на спине, а женевский плащ богослова развевается у него в руках, он тотчас же ринулся вперед, закричал, что такое бесчинство терпеть долее нельзя, и приказал городским стражникам схватить распростертого борца, заявляя в величии своего гнева:

— Я засажу в тюрьму все эти красные мундиры, я засажу всех их, будь то